



УДК 821.161.1.09+929[Леонов+Прилепин]

## ЗАХАР ПРИЛЕПИН О ЛЕОНИДЕ ЛЕОНОВЕ: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРИЕНТИРАХ ПИСАТЕЛЯ

Л. С. Янковская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: taranukhina-ljudmila@rambler.ru

Исследуя причины писательского интереса Захара Прилепина к творчеству Леонида Леонова, автор статьи доказывает, что через познание сложного пути становления маститого писателя, специфики его художественного мира леоновский биограф получает возможность внимательнее всмотреться в себя, свой стиль, осуществить корректировку собственных творческих исканий.

**Ключевые слова:** биография писателя, советская эпоха, творчество Л. Леонова, читательские предпочтения, автопсихологизм повествования.

### Zakhar Prilepin on Leonid Leonov: to the Question of the Writer's Literary Landmarks

L. S. Yankovskaya

Researching the reasons of Zakhar Prilepin's interest to Leonid Leonov's oeuvre, the author of the article proves that by experiencing the difficult way of an eminent writer's formation, the features of his artistic world, Leonov's biographer acquires an opportunity to look more closely into himself, into his own style, to realize the correction of his own creative search.

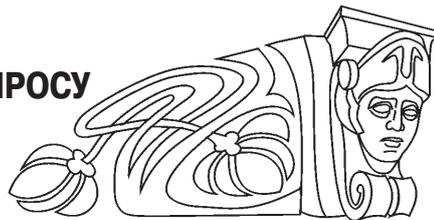
**Key words:** writer's biography, soviet epoch, L. Leonov's oeuvre, reader's preferences, auto-psychological narration.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-114-121

Захар Прилепин – молодой, но широко известный сегодня автор – яркий пример «писателя с биографией». Нынешний обладатель ряда престижных литературных премий, прежде чем прийти в литературу, успел побывать грузчиком, охранником, разнорабочим, командиром отделения ОМОН, участником боевых действий в Чечне. Прилепин предстает человеком, который о многом может судить, о нем говорят как о писателе, которому «до всего есть дело». Сам он убежден, что всякий автор должен быть фигурой общественной, в свою очередь, полностью соответствуя этому, пробуя свои силы не только в самых разных литературных жанрах, но и в журналистике, политике, музыке и кино.

Каждая его книга вызывает живой отклик у журналистов и литературных критиков. Не оставляют без внимания написанное Прилепиным и его собратья по перу – писатели Александр Проханов, Роман Сенчин, Дмитрий Быков.

Многое об авторе могут сказать и его собственные литературные пристрастия. Среди любимых художников слова Захара Прилепина – Гайто Газданов, Борис Зайцев, Томас Манн, Исаак Бабель, Михаил Шолохов, Леонид Леонов.



Творчеству последнего Прилепин не случайно посвятил серьезное биографическое исследование – книгу с названием «Леонид Леонов. Игра его была огромна», вышедшую в 2010 г. в серии ЖЗЛ. В 2012 г. этот труд был переиздан. Новое издание, практически не изменившись по сути, получило несколько вызывающий, эпатажирующий непосвященного читателя заголовок – «Подельник эпохи: Леонид Леонов». Думается, что переиздание Прилепиным леоновской биографии в новом формате вызвано не только желанием автора отчетливее расставить важные смысловые акценты в открывшейся ему литературной и человеческой судьбе, но и великой заинтересованностью в привлечении читателей к книге о личности и творчестве почти забытого сейчас, но столь любимого Прилепиным Леонова. Смысл этого очевиден, ведь если один из самых популярных в современной России авторов посвящает Леониду Леонову сразу две своих книги со столь разными заглавиями, это непременно вызовет интерес сначала к прилепинским, а затем и к леоновским текстам. Подтверждают наше предположение и слова самого автора: «Я имею дело с писателем, которого люблю. Чего бы мне не попытаться “заразить” этой любовью читателя»<sup>1</sup>. Отметим, что Прилепин не всегда так открыто говорит о том, почему именно Леонову посвящает свое исследование. Рискнем предположить, что писатель несколько лукавит, заявляя, что не имеет представления, «интересует ли судьба Леонова современного читателя», и что ему «вообще нет никакого дела до предпочтений читателя» (З. Прилепин о своей новой книге).

Кроме того, о специфике художественных открытий Леонова Захар Прилепин размышляет и в одной из глав третьего тома «Литературной матрицы. Учебника, написанного писателями», вышедшего в свет с подзаголовком «Советская Атлантида» (2014). Прилепинская статья для этого издания вновь не может не привлечь внимания своим экспрессивным заглавием: «Леонид Леонов: эксперимент с человечиною не удался». Вся книга, предназначенная «в особенности для старшеклассников и студентов вузов»<sup>2</sup>, целиком посвящена русской литературе советской эпохи. Примечательно, что в центре внимания составителя сборника именно «подцензурная проза и поэзия»<sup>3</sup>. Главная цель авторов – доказать, что признанные и публиковавшиеся в СССР авторы «не всегда предсказуемы»<sup>4</sup>. Стоит отметить, что эта позиция близка и Прилепину: он часто подчеркивает свое несогласие с бытующим сегодня мнением о том, что «чем больше в писателе антисоветского – тем выше его шансы попасть



в литературные святцы»<sup>5</sup>. Очевидно, именно эта леоновская особая «непредсказуемость» заставила писателя уже в третий раз взяться за перо. Фигурирующая в названии статьи «человечина», по выражению Прилепина, собственно леоновское «словцо». Статья эта представляет собой краткий конспект большого исследования и охватывает период жизни писателя вплоть до 1938-го, «самого трудного и мучительного», года в его жизни<sup>6</sup>. Видимо, именно этот период жизни и творческого становления писателя Захар Прилепин считает наиболее знаковым и, что также немаловажно, интересным для юного читателя, еще только формирующего собственный жизненный путь. В статье не раз упоминается, насколько «огромна» была та игра, которую вел Леонов с собственной жизнью, судьбой, властями. Прилепин делает это умышленно, памятуя, вероятно, о важности того первого впечатления, которое на него самого произвела эта «игра» при знакомстве с автором.

Несмотря на некоторые здесь предостережения Прилепина о том, что знакомство с леоновскими текстами нужно начинать осторожно, в строгой последовательности – «от рассказов к большим романам», он не исключает возможности подробного знакомства с романном творчеством Леонова для старших школьников и студентов. В статье представлен подробный – с филологической и идеологической составляющими – разбор романов «Барсуки», «Соть» и «Дорога на Океан». Подводя итоги, тексты Леонова Прилепин называет «вдохновенными и наимрачнеешими книгами о гигантском социальном эксперименте над человечинной»<sup>7</sup>. Одним из самых страшных событий юности сам Леонов считал призыв «могучих, громадных, с голубыми глазами мужиков» на войну<sup>8</sup>. В своих воспоминаниях он впервые назовет их «молодятиной». «А от страшной этой “молодятины”, – замечает Прилепин, – совсем недалеко до еще более жуткого определения Леонова, что он дал людям, – человечина» (Игра его была огромна, с. 46). Пытаясь осмыслить это характерное для Леонова определение, Прилепин «расшифровывает» его так: «Человечина – то, что останется от венца творения, когда небеса окончательно прогневаются и солнца больше не будет над теми, кто не хочет жить и сжигает свою землю» (Игра его была огромна, с. 46).

Критик Владимир Яранцев обращает внимание, что вопрос «Почему Прилепин?» возникает еще до прочтения его книг о Леонове. «Писателей, на которых лежит тяжелый грех “советскости”, необходимо реабилитировать. Тем более знатоку и бытописателю “грехов” нынешних», – поясняет Яранцев<sup>9</sup>. Галина Юзефович, в свою очередь, отмечает, что именно Леонов, «не понятый в советское время и забытый сегодня, до мозга костей антиинтеллигентский, молчаливый, загадочный и brutальный, может послужить нацболу Прилепину если не ролевой моделью, то уж во всяком случае идеальным экраном для проецирования

на него собственной в высшей степени яркой и неординарной личности»<sup>10</sup>.

Прилепин признается, что список любимых книг, в котором, среди прочих произведений, значится «Дорога на Океан» Леонида Леонова, сформировался у него давно, еще в ранней юности. «Леонов – гений», – вызывающе утверждает Захар Прилепин<sup>11</sup>, подчеркивая при этом свое особое восхищение в литературе фигурой Леонида Максимовича Леонова, уважительно называя писателя «миром непомерным», путешествовать по которому «надлежит с богатым запасом сил, с долгой волей и спокойным сердцем» и «с пониманием того, что он полноправно граничит с иными мирами мировой культуры» (Игра его была огромна, с. 1).

Прилепин подробно рассуждает о детстве Леонова, его происхождении и той местности, в которой тот был рожден, что вполне соответствует его собственным жизненным и творческим представлениям: «Детство помнилось в нескольких ярких деталях и воспринималось как “милое”, но все-таки ранние годы не были раем земным, куда так хочется вернуться... Впрочем, что важно, и острой тоски оттого, что на годы детства и юности пришлось столько лишений, у Леонова тоже не найти» (Игра его была огромна, с. 33). Собственная судьба Леонида Леонова, бывшего белогвардейца, и судьба его отца – всё это, по мнению Прилепина, заставляло его «раз за разом возвращаться к размышлениям о том, насколько дети ответственные за деяния родителей» (Игра его была огромна, с. 441).

Прилепин, для которого смерть собственного отца стала, наряду с рождением детей, самым большим потрясением в жизни, не мог не присмотреться внимательно к отношениям Леонида Леонова с Максимом Леоновым. Исследователь отмечает, что ему вполне понятна детская обида писателя на отца, бросившего мать одну с пятью детьми. Но непонятен ему тот факт, что Леонов так и не простил отца «после совместных архангельских мытарств» (Игра его была огромна, с. 441). Прилепин, много рассуждающий о любви Леонова к мистицизму и его белогвардейском прошлом, объясняет разрыв между отцом и сыном так: «Может быть, на всю жизнь оглушённый ужасом возможного ареста и развенчания, Леонов втайне решил, что отец приносит только несчастье всем своим детям, трое из которых уже умерли?» (Игра его была огромна, с. 441). Версия эта представляется нам довольно неожиданной, но, тем не менее, вполне имеющей право на существование. Примеряя леоновский опыт на себя, Прилепин, человек бесконечно любящий отца и устремленный к Богу, осторожно замечает, что писатель, не приехавший ни на похороны отца, ни на могилу его, вероятно, совершает грех. Но следом тут же делает оговорку: «Впрочем, не нам судить, не нам. Не в наши времена» (Игра его была огромна, с. 441), что свидетельствует о том уровне почтения, которое испытывает Прилепин к личности Леонова и тому непростому времени, в котором тот жил.



Заметим, что о явной доминантности такого рода размышлений в системе ценностей Прилепина свидетельствует и возникновение мотива отцеубийства в судьбе Артема Горяинова, главного героя его романа «Обитель». Не сумевший простить самому близкому для него человеку супружеской измены, наказав отца кровавой расправой, Артем в конце концов – по воле автора – так же трагически искупит свой грех. Вытерпевший страшные испытания Соловецкого лагеря, множество раз сумевший выйти сухим из воды и будто бы самим Богом сбереженный, он погибнет от ножа уголовника. Здесь нельзя не усмотреть явных переключек с историей судьбы Леонова: биограф не скрывает восторга всякий раз, когда на крутых поворотах своего жизненного пути Леонов каким-то чудом уходил от преследования. Не единожды скомпрометировавший советскую власть, он не был сослан и не попал в расстрельные списки. Далекое не случайным в этой связи кажется и тот жуткий фон, который избирает Прилепин для воссоздания своего вымышленного героя. Писатель не скрывает, что оценивает опыт советских лагерей далеко не так однозначно, как это сейчас принято. О том, возможна ли перековка, переплавка личности, можно ли выжечь прошлое человека и наполнить сосуд новым содержанием, много рассуждал Леонов, интересуется это и Захара Прилепина. Именно поэтому, думается, Горяинов представлен отцеубийцей, отбывающим в те далекие годы свой срок на Соловках – Прилепин не стал рассуждать, допустим ли такой грех сегодня, ответ для него слишком однозначен. Ему интересно, может ли искупить свою вину перед отцом человек в мире, «где “Илиада” и “Одиссея”, где извержение вулканов происходит»<sup>12</sup>. В мире, где человек проходит через страшные испытания, где ради благой цели – перерождения человека – идут на кардинальные меры. Стоит сказать, что в своем грехе Горяинов так и не раскается. Потому и погибнет.

О человеке того величия, той неземной силы, которым наделена для Прилепина фигура Леонова, он просто не мог рассуждать в таком ключе, потому и наделил, как нам представляется, своего героя чертами леоновской биографии, чтобы на безопасном расстоянии поразмышлять на волнующую его тему.

Интересны писателю-Прилепину, в текстах которого слова Православие, Бог и Церковь написаны всегда с заглавной буквы, и отношения Леонова с верой. В лучших сочинениях Леонова, которые «написаны на грани человеческих возможностей» нашего автора привлекает «необычайная плотность мысли» (З. Прилепин о своей новой книге). Прилепин-исследователь сравнивает впечатление от книг Леонова то с ощущением, будто «скользишь по-над ясной водой», то с чувством, «словно продираешься в тяжёлом буреломе» (З. Прилепин о своей новой книге). Но и в том, и в другом случаях «только упрямый путник будет вознаграждён выходом на чистую, открытую небу почву, где

струится холодный ключ, целебнее которого нет» (З. Прилепин о своей новой книге). Такой «путник» заметит в творчестве Леонова ряд пророчеств разного рода. Одни из них – практические (описание «третьей мировой войны и создание радара») даны в «Дороге на Океан», романе, включающем фантастические элементы. Другие – метафизические – касаются «взаимоотношений Бога и человека, судеб человечества» (З. Прилепин о своей новой книге). Эти пророчества «касаются и прошлого, и будущего» (З. Прилепин о своей новой книге). Леонов предлагает свои, крайне любопытные, но, по выражению Прилепина, «возможно еретические трактовки деяний Господа нашего» (З. Прилепин о своей новой книге) и описывает собственную модель Вселенной. Но больше всего Захару Прилепину, по его собственному признанию, интересны «леоновские религиозные ереси и его космогония», а также то, как «он описывал эпоху создания новых Божеств». Все это, полагает писатель, «читать из эпохи нашего тотального мелкотемья дико любопытно» (З. Прилепин о своей новой книге).

Прилепин замечает также, что Леонид Леонов нередко говорит об «отмирании богов» устами своих персонажей. Еще в юношеской его поэме «Земля» встречается упоминание об «изстаревшем Боге» (Игра его была огромна, с. 647). В «Дороге на Океан» говорится о том, как большевик Курилов нашел книгу по истории религий, где боги были сделаны «из страха, ненависти, лести и отчаянья; материал определял лицо бога» (Игра его была огромна, с. 647). В «Русском лесе» Библия упомянута «в контексте отмирания человеческой души» (Игра его была огромна, с. 647). На рабочем столе Тулякова соседствуют «утешительные книги, что проникают в подобные квартиры с чёрного хода, незадолго до гробовщика, – библия, траволечебники и нечто шарлатанское о звёздах – с энциклопедией тибетских знахарей, Жуд Ши, во главе» (Игра его была огромна, с. 647). Итог своим рассуждениям подводит Леонов в «Пирамиде», где Шатаницкий заявляет о. Матвею, что Бога нет и никогда, в сущности, не было. Рассуждая таким образом, Леонов приходит к логичному, по мнению Прилепина, выводу: «А раз Бога нет, или он ослаб, изстарелся и сник – то и человечество ждёт гибель». Сохраняя интерес к этой теме на протяжении всего жизненного и творческого пути, Леонов так и не сумел объяснить себе, зачем Бог создал людей столь никчемными. Отсюда и бесконечная леоновская ирония в изображении церкви и церковнослужителей.

Поскольку церковь, понимает Прилепин, «дом Бога на земле», то «всю жизнь свою Леонов, не в силах себя остановить, занимался изгнанием Бога из дома. Ибо если Ты не сделал нас достойными Тебя – что делаешь Ты среди нас?» (Игра его была огромна, с. 629).

Мотив обиды на Бога, больше того, мотив «богооставленности» брошенного отцом мальчика, появится у Прилепина в романе «Патологии».



Испытав сильнейшее потрясение, связанное с потерей отца в нежном возрасте и нехваткой родительской любви и ласки, Егор Ташевский, главный герой первого прилепинского романа, навсегда внутренне сжился с сомнением в величии Господа. Он обижен на Бога так же, как, отчасти, обижен и на отца, который, по словам мальчика, «не мог его бросить». Не мог, но все же бросил.

Рассуждения Прилепина о леоновском «богоборчестве», о сложных отношениях писателя с отцом, возможно, повлияли и на столь специфические черты образа Егора Ташевского.

С другой стороны, Прилепина постоянно восхищает многозвучность, полифония леоновской прозы, где «равно различимы первый детский смех и последний тектонический гул глубинных земных пород» (Игра его была огромна, с. 5). Различимы эти черты для Прилепина уже в первых, совсем детских стихотворениях Леонова. Сам писатель, как водится, ранних своих стихов не любил. Здесь снова отчетливо различима степень доверия и уважения Прилепина к своему герою. Называя первые стихотворные опыты Леонова откровенно слабыми, Прилепин все же говорит об этих первых леоновских текстах, отмечая те пророческие ноты, которые они в себе содержат. Дело в том, что в них, по мнению Прилепина, различимо возникновение двух главных для всего будущего леоновского творчества тем. Первая будет звучать в последнем романе Леонова «Пирамида», где снопы искр летят к «отемневшему небу» (Игра его была огромна, с. 46). Вторая же станет, по мнению Прилепина, и вовсе главной, пожизненной: «... светлая земля Русь, ее печали и устремления, ее красивые люди» (Игра его была огромна, с. 46). Два этих «наивных, юных стихотворения», по мнению Прилепина, «вместили тайный знак всего его пути» (Игра его была огромна, с. 46).

В ранний период своего творчества Леонов оказывается крайне плодотворен. Прилепин говорит о том, что «Леонов обнаружил некие свои потайные родники», из которых «оставалось лишь щедро черпать» (Игра его была огромна, с. 125). Здесь Захар Прилепин снова акцентирует внимание на существенном для него обстоятельстве: «... этот плотный, цветной, ароматный язык, эта щемящая, безысходная и безответная тоска, кочующая из рассказа в рассказ, эта мелодия его, уникальная и очаровывающая по сей день» (Игра его была огромна, с. 125), зародились не сами по себе. Для Прилепина это крайне важно: сам он часто размышляет о влиянии на собственное творчество тех мест, где он провел свое детство, земли отца, дедов, истоков нравственного становления. Открыто говорит он и о том, что предметом своего писательского внимания избирает только хорошо ему известное. Потому и в творчестве Леонова ему отчетливо видны «зарядьевские типы, мудрые деды, материнские печали, отцовские мытарства, поморский говорок, сказки Писахова, долгие дороги от Белого до Чёрного моря, белогвардей-

щина, красногвардейщина, костры и тачанки, и махновщина, и сотни разных людей, и многие смерти, и несколько раз совсем рядом прошедшая смерть собственная, и, наконец, предошущение огромной жизни» (Игра его была огромна, с. 126). Понятно поэтому, что Прилепин, неизменно наделяя своего героя автопсихологическими и даже автобиографическими чертами, говорит о том, что все увиденное и прочувствованное Леоновым «сложилось в юной голове в замечательный, а если всмотреться – жуткий в своей красоте узор, который оставалось лишь передать бережно и честно» (Игра его была огромна, с. 126).

Одним из первых узелков этого узора станет повесть с длинным названием «Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гоголёве Андреем Петровичем Ковякиным». Записи эти – первая и последняя в творчестве Леонова вещь, написанная «с умышленным, нарочитым юродством» (Игра его была огромна, с. 141). Важен здесь для Прилепина неизменный леоновский мотив – разлад с Богом. Леонов и здесь, и в «Соти» связывает человеческую трагедию с началом «большого дела», неважно – социального или религиозного, «тем самым обрекая дело это на провал» (Игра его была огромна, с. 141). Прилепин обращает внимание на тот факт, что некрасовская позиция, утверждающая, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», совсем не близка Леонову. Он, наоборот, убежден, что «всякое дело поправимо, окромя крови» (Игра его была огромна, с. 141).

Осознавая это, Леонов, с точки зрения Прилепина, заключил в «Барсуках» собственную трактовку большевистской философии: «... человек негоден, но мы с ним справимся, резать будем по живому, и получится то, что нужно» (Игра его была огромна, с. 141). Понятно, что с такой позицией сам Леонид Леонов был не согласен. Однако не это стало основополагающим в романе, где впервые так отчетливо, считает Прилепин, «завучал истинный эпос» (Игра его была огромна, с. 143). Эпический дар Леонова как нельзя лучше раскрывается или, по Прилепину, «разворачивается» на фоне «пышнотелой Москвы» (Игра его была огромна, с. 143). Тема, затронутая молодым писателем, будто сама «повлекла, потащила его за собой» (Игра его была огромна, с. 143). Немало значим для Прилепина, всегда с трепетом вспоминающего те места, где прошло его детство, тот факт, что писатель поселяет своих героев в Зарядье, «где вырос сам и которое нежно любил» (Игра его была огромна, с. 143).

При всех достоинствах романа, отмеченных Прилепиным-исследователем, вывод, к которому он приходит, звучит следующим образом: «„Барсуки“ – не самый сильный роман Леонида Леонова», так как в нём нет «той точности конструкции, что характеризует последующие его крупные вещи» (Игра его была огромна, с. 1). Тем не менее, «Барсуки», по мнению Прилепина, – первая настоящая книга во всей советской литературе.



А вот роман «Вор» Захар Прилепин еще в предисловии обозначил как «мир удивительного городского многоголосья, живых теней Благуши, предсмертной высоты цирковой арены, пивной пены московских нэпманских кабаков, тоскливых тупиков Достоевской нашей родины» (Игра его была огромна, с. 184).

Рассуждая о «Воре», Прилепин-исследователь, конечно, не мог не затронуть темы двух редакций романа – 1926 и 1959 гг. Два этих варианта, по мнению Прилепина, отличаются вовсе не «глубинным смещением сюжетных пластов», как считает большинство исследователей и собратьев Леонова по перу, но «детальной проработкой наиболее сложных и труднодоступных тем» (Игра его была огромна, с. 184). Версию о том, что в 1959 г. Леонов переписал роман в угоду советской власти, испортив первоначальный текст, Прилепин называет «малообъяснимым мифом» (Игра его была огромна, с. 185), убедительно аргументируя свою позицию. Он даже вступает в спор Солженицыным, утверждая, что вторая редакция как раз, наоборот, более радикальна. В «Воре» 1959 г., по мнению Прилепина, «нагнетается атмосфера осклизлой мерзости наступившего времени со всеми его пакостными приметам» (Игра его была огромна, с. 185). Среди прочего исследователь приводит в доказательство эпизод ухода Векшина из родительского дома. «Нательный крест, надетый матерью, он потерял три года спустя», – значит в первой редакции романа. В поздней редакции «Нательный крест, надетый ещё покойной матерью, он самовольно снял с себя пять лет спустя» (Игра его была огромна, с. 185). Задача Леонова, по мнению Прилепина, была такова – «привести Векшина к полному человеческому падению» (Игра его была огромна, с. 185). Во второй редакции Леонов завершил этот замысел, который, по Прилепину, был ясен ему с самого начала. Прилепин подчеркивает, что для Леонова нет «занятия горче, чем в упор разглядывать человека» (Игра его была огромна, с. 191), о чем он вскользь упомянет в первой редакции «Вора». Тем не менее, именно это «разглядывание» и станет главной задачей писателя, проследившего «соотношения многих и многих координат, меж которых человек проявлялся со всей своей сутью» (Игра его была огромна, с. 191).

Особенная манера письма Леонова, с позиции Прилепина, была продиктована тем, что его «не очень интересовал суетный людской мир со всеми его приметам» (Игра его была огромна, с. 192). Леонова интересует не просто человек, а Человек с прописной буквы. Но звучит это слово, в понимании Леонова, «вовсе не гордо» (Игра его была огромна, с. 192). Здесь явно прослеживается спор с позицией Максима Горького, так высоко ценившего талант Леонова и заявлявшего Сталину, что «этот человек может отвечать за всю русскую литературу». В какой-то момент ученик и учитель пойдут по разным дорогам. Горький, заразивший Леонова верой в советский

эксперимент, во многом продолжит в него верить. А Леонов поймет, что разочаровался и напишет роман «Дорога на Океан», за который ему будет пенять не только Горький, но и вся советская критика. Максим Горький был очарован «Сотью», ждал, что Леонов, как и он, станет культивировать веру в советский проект. Не откроются Горькому смысловые каверзы романа, долгое время он будет считать их наносным от Достоевского или просто случайным. Здесь стоит отметить, что и Прилепин не отрицает, что стилистически Леонов «прямой потомок Федора Михайловича Достоевского»<sup>13</sup>.

Жизнь сводила Л. Леонова не только с М. Горьким, но и с С. Есениным, М. Шолоховым, М. Булгаковым, В. Набоковым. В свою очередь, и сам писатель оказал влияние на творчество Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, братьев Стругацких. Но жизнь его при этом для многих оставалась тайной. «Будучи в возрасте патриарха, – пишет Прилепин, – Леонид Леонов сказал как-то, что у каждого человека помимо внешней, событийной, очевидной биографии есть биография тайная и ненаписанная» (З. Прилепин о своей новой книге).

Яркие эпизоды «событийной» биографии Леонова Прилепин излагает в главах, посвященных Есенину и Булгакову. С последним, по мнению исследователя, у Леонова были «сложные отношения»: Булгаков «явно прочтёт роман “Вор” и, несомненно, попадёт под его влияние» (Игра его была огромна, с. 59). Такой вывод Прилепин делает на основе аллюзивных переключек вступительных частей «Вора» и «Мастера и Маргариты»: «Если, закрыв глаза, вслушаться в звучание двух приведённых отрывков, можно обнаружить не только явную схожесть словесной походки, но и повторение одних и тех же деталей: Москва, первый же встречный герой – писатель в необычайно крупных очках, и клетчатые одежды эти, и желание что-нибудь выпить, и разговор на скамеечке, и какая-то общая замороченность пространства» (Игра его была огромна, с. 59).

В главе, посвященной отношениям Леонова и Есенина, Прилепин снова обращается к «Вору». По мнению исследователя, в образе Мити Векшина, при первом его появлении, несомненно, угадывается Есенин. По Прилепину, Леонов сначала «рисовал некую сложносочинённую схему и потом уже под эту схему подбирал составляющие» (Игра его была огромна, с. 191). То есть, полагает автор, нельзя утверждать, что Леонов списал образ Векшина с Есенина, но можно смело говорить о том, что образ Есенина тех лет как нельзя лучше подошел задуманному Леоновым Дмитрию Векшину. Прилепин дал этому есенинскому влиянию емкое определение: «поработал на Векшина» (Игра его была огромна, с. 191).

Стоит отметить, что Захар Прилепин без стеснения говорит о том, что его отношение к творчеству Леонова нельзя назвать «безоговорочной любовью», так как к романам «Барсуки»



и «Русский лес» он относится в крайней степени скептически: «Читать их по большей части и тошно, и дремотно» (Игра его была огромна, с. 191). «Русский лес» Прилепин вообще оценивает как «непроходимо советский, очень искусственный, очень тяжёлый роман»<sup>14</sup>. Это один из тех романов Леонова, которые начинаются с нескольких мимолётных, но «слепительных» (здесь Прилепин уточняет, что слово это леоновское), «как фотографическая вспышка, впечатлений» (Игра его была огромна, с. 448).

На эту книгу Прилепин предлагает смотреть с двух точек зрения: социальной и общекультурной. С социальной точки зрения это не просто роман, а «деяние, поступок, подвиг» (Игра его была огромна, с. 448). Леонов не просто написал и опубликовал свой роман, а чуть ли не в одиночку инициировал масштабные процессы, связанные с темой спасения природы, причем в то непростое и суровое время, когда господствовала установка укротить природу и поставить на службу человеку. У Леонида Максимовича появилось множество врагов, писавших на него жалобы в самые высокие инстанции. С точки зрения общекультурной, считает Прилепин, это предпосылка, первооснова для возникновения «деревенской» прозы.

В «Русском лесе», по мнению Прилепина, есть «множество замечательно написанных страниц» и «классически сделанные сцены» (Игра его была огромна, с. 449). Но, наряду с этим, Прилепин отмечает также «выхолощенную, неживую» атмосферу романа, которая, несомненно, стала результатом вынужденного использования в романе «бесконечных трафаретов соцреализма» (Игра его была огромна, с. 449). Здесь автор с грустью отмечает, что в «Русском лесе» Леонов, может быть, впервые ставит саму тему повествования, требовавшую идти на определенные жертвы, «превыше своего права на честное художественное слово» (Игра его была огромна, с. 449). Прилепин открыто говорит о том, что написанная в «Русском лесе» картина советской жизни слишком идеализирована – «и когда к холсту прикасаешься, остаётся ощущение лака», «пресный вкус полуправды» (Игра его была огромна, с. 420). Писатель вынужденно использовал «бесконечные трафареты социализма» для того, чтобы роман все-таки вышел в печать. Приходится говорить о том, что тема здесь важнее художественности. О «томительном ощущении внешней фальши» в романе говорили Александр Твардовский и Корней Чуковский (Игра его была огромна, с. 420). «Слишком много в романе полупоклонов советской власти, – пишет Прилепин, – которые Леонов делает малоспособной к гибкости шеей и не самым искренним словом» (Игра его была огромна, с. 420).

Ни одно произведение Леонова не обходится, по выражению Прилепина, без некоторой «закавыки». Не обошлось без таковой и в «Русском лесе»: попавшую в немецкий плен Полну выручает предатель, что обнажает интерес Леонова «к чёр-

ным углам человеческой души» (Игра его была огромна, с. 421). Прилепину интересна в этой связи и леоновская мысль о необходимости привести «почти всякое ничтожество в человеческий вид» (Игра его была огромна, с. 421).

Близко Прилепину и почти природное чувство патриотизма Леонова: не раз обращались оба писателя к теме русского человека, выросшего на русской земле, вросшего в нее своими корнями и не желающего пересаживаться ни на какую иную. Леонов говорил об этом неоднократно до «Русского леса» и ещё раз скажет об этом в повести «Evgenia Ivanovna». Решиться опубликовать её для Леонова было равносильно тому, что саму Евгению Ивановну «нагую, выпустить на площадь, на всеобщее рассмотрение» (Игра его была огромна, с. 511). Такое нежное отношение к ней автора передалось и Прилепину. Повесть «Evgenia Ivanovna» Прилепин называет «вообще не советской» по своему звучанию, а «бесконечно печальной, нежнейшей, пасторальной» (Игра его была огромна, с. 511). Тем не менее, в ней, с точки зрения Прилепина, все же поднимались главные леоновские темы (Игра его была огромна, с. 511).

Отдельно стоит сказать о двух самых важных и любопытных для Прилепина леоновских текстах – «Дороге на Океан» и «Пирамиде».

Роман «Дорога на Океан» написан Леоновым в 1935 г. Сам он не раз заявлял, что этот период, как и сам роман, – наивысшая точка его веры в советский проект. На деле же всё, по мнению Прилепина, «стократ сложнее и любопытнее», и, говоря так, Леонов лишь «давал наживку торопливым своим исследователям» (Игра его была огромна, с. 323). В «Дороге на Океан» видится ему множество разветвленных леоновских шифров, разбираться с которыми для исследователя «задача увлекательнейшая» (Игра его была огромна, с. 323). Прилепину также интересно понять, что в романе так разозлило Горького. Ответ на этот вопрос он дает однозначный: Леонов убил того человека, в которого Горький верил, при том убил по дороге на Океан, т. е. «по дороге к мечте» (Игра его была огромна, с. 323). Прилепину же, восхищающемуся леоновской смелостью, чрезвычайно интересно наблюдать за отношениями Протоклитова и Курилова в романе, ведь их противостояние, по убеждению исследователя, является аллюзией на отношения Леонова и Сталина и «отчасти даже посланием писателя к вождю» (Игра его была огромна, с. 325). «Игра его была огромна», – пишет Леонов о Глебе Протоклитове в самом начале романа. Здесь имеется в виду та точность и продуманность, с которой Протоклитов, бывший белогвардейский офицер, строит «новую свою биографию» (Игра его была огромна, с. 325). Сам неизменно наделяя своих героев автопсихологическими и автобиографическими чертами, Прилепин видит здесь отсылку автора к пережитым событиям собственной жизни: например, Глебу Протоклитову в романе устраивают чистку, что



напоминает многочисленные диспуты по поводу романов самого Леонова. Итогом этой чистки становится разоблачение героя, и теперь его гибель неизбежна. Понимая это, Леонов безжалостно убивает Курилова (образ которого, по мнению Прилепина, является аллюзией на Сталина), тем самым как бы заявляя вождю: «...я тоже убью тебя, если твои подручные несут мне смерть» (Игра его была огромна, с. 325). «Огромна была игра Леонова. Едва ли не больше жизни» (Игра его была огромна, с. 325), – скажет Прилепин в конце главы, посвященной «Дороге на Океан», оправдывая тем самым название всего предпринятого исследования.

Роман «Пирамида», по Прилепину, начинался с двух тем, остро обозначившихся в мировосприятии Леонова сразу после войны: «Бог, Его присутствие в мире и Россия в пору великого социального эксперимента» (Игра его была огромна, с. 635). Импульсом к написанию последнего варианта «Пирамиды» стал вопрос Леонова: «Может ли человек обвинять Бога?» (Игра его была огромна, с. 636). «Пирамида» имеет подзаголовок «роман-наваждение», что, по мнению Прилепина, совсем не случайно, так как слово «навада» таит в себе «недобрый смысл» – обманка, подлог, соблазн (Игра его была огромна, с. 648). В «Пирамиде» содержится урок: не стоит верить ересям. При этом, с точки зрения Прилепина, для православной церкви «Пирамида» – это и есть «карусель ересей», главный «разносчик» которых – священник, который, по Леонову, есть «самое главное зеркало Леонова» (Игра его была огромна, с. 648) в романе. Данную в предисловии характеристику «Пирамиды» можно привести здесь в качестве своеобразного обобщения: последний леоновский роман – это «почти бесконечный путь, где за каждым поворотом новые неисчислимы, выворачивающие разум перекрестья» (Игра его была огромна, с. 648). Похожие «перекрестья» и «ереси», на наш взгляд, встречаются в романе Прилепина «Черная обезьяна», где писатель играет с читателем, рисуя, на первый взгляд, плотно бессюжетное, почти бредовое. На самом же деле так обыгрывается в тексте пугающая автора потеря смысла, его постепенная редукция. Это роман о том, как легко запутаться, потеряться, как человек собственными руками мостит себе дорогу в ад. Прилепина, как и Леонова, интересует степень удаленности человека от Бога, его создавшего, степень разочарования Бога в человеке и человека в Боге.

Известный большинству читающей публики как лауреат Сталинской премии, Леонов, в оценке Прилепина, не просто маститый автор советских производственных романов и орденосный, монументальный совпис, но явление значительное, неоднозначно пока понимаемое и недостаточно исследованное. Прилепин-исследователь старается одинаково ярко осветить обе стороны жизни Леонида Леонова. Такое стремление вполне обоснованно, ведь Леонов, рано признанный

крупными писателями (в том числе М. Горьким), вызывающий неизменный интерес у читающей советской публики, с горечью говорил о том, что тексты его многоэтажны, а все бродят лишь по первому этажу. Мало кому были интересны, да и просто понятны метафизические пророчества Леонова, его еретические трактовки отношений Бога и человека, его предвидение последствий эксперимента с перестройкой.

Стоит отметить, что как биограф Прилепин старается быть объективным исследователем жизни писателя. Он не пытается идеализировать Леонова и нивелировать те его поступки, которые были совершены под очевидным давлением режима или под влиянием вполне объяснимых страхов. Не ставя своей целью поразить читателя шокирующими открытиями, Прилепин все же подчеркивает тот факт, что его герой – бывший белогвардейский офицер. Очевидно, что делает он это не только из стремления к полной объективности. Прилепин извлекает из этого обстоятельства возможное объяснение загадочной парадигмы писательской и человеческой судьбы Л. Леонова. Памятуя о своей особой жизненной истории, «Леонов прожил целую жизнь, чувствуя затылком мрачное дыхание своего прошлого, которое в любое мгновение могло настичь и спихнуть в небытие» (Игра его была огромна, с. 294). Надо сказать, что способ заглушить этот «непроходящий страх» Леонов избирает для себя, мягко говоря, неоднозначный и даже странный. Писатель «начинает жуткую, почти самоубийственную игру со смертью: из романа в роман у него появляется один и тот же герой – бывший белый офицер, живущий в Стране Советов: злой, сильный, упрямый волк, иногда обряжающийся в одежды смирения и послушания, и делающий это даже искренне» (Игра его была огромна, с. 294). Для Прилепина, которому, как мы уже отмечали, свойственно «делиться» со своими героями биографическими чертами, творчески примечателен этот факт. Не менее важно для Прилепина-исследователя и то, что «Леонов в разные годы века бывал и очарован, и оглушен, но никогда он не был раздавлен и унижен настолько, чтобы опуститься до бесстыдной подлости» (Игра его была огромна, с. 9). То есть Леонов, безусловно, понимал, что о его белогвардейском прошлом, скорее всего, известно и Сталину, и его приближенным, он боялся разоблачения, и в подтверждение этому Прилепин подчеркивает, что ни жена, ни дочь писателя до самой смерти его не знали об этом факте его биографии. Но страх этот лишь возбуждал в писателе интерес продолжать ту «большую игру».

Прилепин открыто заявляет, что ему «крайне интересно его ужас и его страсть сравнивать со своим ужасом и своей страстью»<sup>15</sup>. При этом он признается, что у них с Леонидом Леоновым «разное восприятие жизни»<sup>16</sup>. Писатель отмечает также, что его привлекает смелость, с которой Леонов «переиграл крамольный сюжет в отмеченном Сталинской



премией “Нашествии”»: «Человек возвращается из лагеря и в трудный для Родины час защищает ее от врага. Вождь позвонил автору и поблагодарил за пьесу. Шел 42-й год. Он позволял себе такое, что – я настаиваю! – вообще себе никто не позволял тогда» (З. Прилепин о своей новой книге).

Отвечая на вопрос, близка ли ему личность этого писателя, Прилепин замечает, что Леонид Леонов – «полная противоположность его в каком-то смысле»: он «жил отшельником, был мастер на все руки, выращивал какие-то растения небывалые, кактусы редчайшие разводил, спиртного не употреблял, на мир и на человека вообще смотрел, скорей, мрачно» (З. Прилепин о своей новой книге). О себе же Прилепин рассказывает: «Я живу на людях, терпеть не могу физической работы, мир, окружающий меня – солнечный и пьяный, и в прямом, и в переносном смысле» (З. Прилепин о своей новой книге). Делая вывод, писатель поясняет: «Может, отчасти эти вещи притягивают – хочется понять что-то изначально очень непонятное, разгадать рисунок чужой судьбы, чужой души человеческой» (З. Прилепин о своей новой книге).

Прилепин-биограф не только размышляет о леоновских художественных открытиях, но и рассматривает в целом творчество писателя как своеобразное «мерило» для современных авторов. Важным исследователю представляется, что Леонов был близок к наиболее значимым фигурам своей эпохи, но при этом продолжал руководствоваться интеллигентскими традициями XIX в., предписывающими писателю быть наставником и советником для власти имущих.

Давая самооценку объему проделанной «леоноведческой» работы, Захар Прилепин замечает, что «пока лишь снял верхний слой», ведь «тайную биографию» Леонова он «попробовал первым написать», но уж точно «последним не будет» (З. Прилепин о своей новой книге). Писатель убежден при этом, что «многоэтажные леоновские тексты еще будут и будут исследовать, и раз за разом находить там то, что первым путешественникам не открылось» (З. Прилепин о своей новой книге).

В противовес авторской оценке, критики отмечают глубину и скрупулезность Прилепина-биографа. Большинство из отзывов на книги о Леонове говорят об очевидных достоинствах прилепинского труда. Главное из них, на наш взгляд, подчеркнул журналист Антон Семикин: книги Прилепина об одном из самых талантливых писателей советской эпохи, несомненно, достигают

своей цели – после них «действительно хочется прочитать или перечитать все литературное наследие Леонида Леонова»<sup>17</sup>.

## Примечания

- <sup>1</sup> З. Прилепин о своей новой книге «Леонид Леонов. Игра его была огромна» // Дети Ра. 2010. № 8 (10). URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=2059> (дата обращения: 31.07.2016). В дальнейшем это интервью Прилепина цитируется в тексте статьи с указанием названия в скобках.
- <sup>2</sup> Прилепин З. Леонид Леонов : эксперимент с человеческой не удался // Литературная матрица : Советская Атлантида : сб. СПб., 2014. С. 2.
- <sup>3</sup> Там же.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Прилепин З. Леонид Леонов : эксперимент с человеческой не удался // Литературная матрица : Советская Атлантида : сб. СПб., 2014. С. 278.
- <sup>6</sup> Там же. С. 305.
- <sup>7</sup> Там же.
- <sup>8</sup> Прилепин З. Леонид Леонов. Игра его была огромна. М., 2010. С. 46. В дальнейшем эта книга Прилепина цитируется в тексте статьи с указанием в скобках краткого названия и страницы.
- <sup>9</sup> Яранцев В. Искупить грех «советскости» // Сибирские огни. 2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2011/1/ia20.html> (дата обращения: 15.05.2016).
- <sup>10</sup> Юзефович Г. Захар Прилепин. Леонид Леонов // Удивительные приключения рыбы-лоцмана. 150 000 слов о литературе. М., 2016. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/leonov/html> (дата обращения: 17.05.2016).
- <sup>11</sup> З. Прилепин : «Моя биография работает на меня» // У книжной полки. 2008. № 4. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/u-knizhnoj-polki.html> (дата обращения: 08.06.2016).
- <sup>12</sup> З. Прилепин : «Я люблю мир, где “Иллиада” и “Одиссея”» // Дружба народов. 2010. № 3. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/druzhiba-narodov2.html> (дата обращения: 10.06.2016).
- <sup>13</sup> З. Прилепин : «Моя биография работает на меня».
- <sup>14</sup> См. страничку З. Прилепина в «Живом журнале». URL: <http://prilepin.livejournal.com/26481.html> (дата обращения: 13.06.2016).
- <sup>15</sup> З. Прилепин : «Я люблю мир, где “Иллиада” и “Одиссея”».
- <sup>16</sup> Там же.
- <sup>17</sup> Семикин А. Он не прост, совсем не прост // Каспаров.ру. URL: [www.kasparov.ru/material.php?id=4BD800A593ADF](http://www.kasparov.ru/material.php?id=4BD800A593ADF) (дата обращения: 15.02.2016).

## Образец для цитирования:

Янковская Л. С. Захар Прилепин о Леониде Леонове : к вопросу о литературных ориентирах писателя // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 114–121. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-114-121.

## Cite this article as:

Yankovskaya L. S. Zakhar Prilepin on Leonid Leonov: to the Question of the Writer's Literary Landmarks. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 114–121 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-114-121.